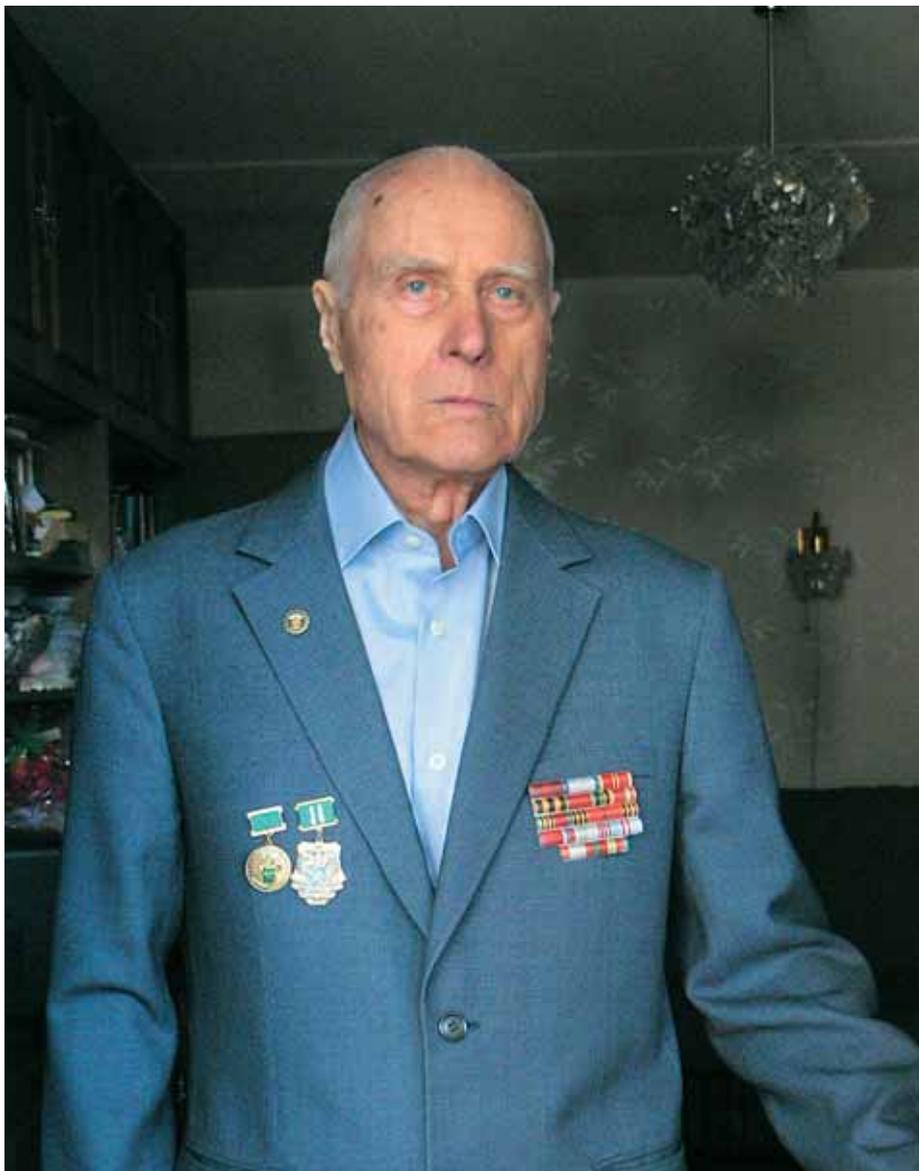

Высший пилотаж Михаила Москалева

Славный путь по земле и в небе прошел ветеран таможенной службы Михаил Макарович Москалев. Прежде чем приступить к службе в таможенных органах, ему пришлось пройти горнило Великой Отечественной.

– Михаил Макарович, расскажите о самом памятном дне войны. С чего началась мирная жизнь? Как вы стали таможенником?

– Когда объявили о начале войны, вся моя прошлая жизнь – голодное детство, вынужденные переезды, работа в колхозе, – осталась позади. Мы, молодые солдаты, курсанты авиационного училища, даже представить не могли, что нас ожидает. Учеба продолжалась. Меня готовили на штурмана военного самолета. Полетать в мирном небе не довелось, практически все вылеты

были боевыми. С таким опытом приходит понимание важности выполняемых задач, но утрачивается ощущение опасности.

Однажды под Орлом наша машина приблизилась к немецкому самолету, летевшему навстречу. Мы хорошо видели лица фрицев. Не хотелось думать, что это был последний бой, мы ведь всегда бились даже тогда, когда стрелять уже было нечем, а в баках еще оставались последние капли топлива. Наш самолет тогда подбили, но нам удалось посадить его. Чья это тер-

ритория? Кого сейчас встретим, может, чужих? Я был ранен, но пистолет вытащить все-таки удалось. Будем отстреливаться, решили мы с пилотом. К нам бежали люди. Наши, слава Богу!

Много лет я носил в себе кусок жезла, лишь в 1959 году, когда мое состояние ухудшилось, из меня наконец вынули крупный осколок. После ранения и лечения боец из меня уже был никакой. Нужно было думать о том, как жить дальше, поэтому осенью 1944 года я направился в один из райкомов комсомола. В то время в освобожденных от фашистов западных районах Украины требовались комсомольские работники. В ЦК ЛКСМ УССР мне дали хороший совет: без знания украинского языка ехать во Львов не стоит. Знающие люди порекомендовали поехать в Измаил, бывший в то время областным центром.

Мне предложили работу на таможенном посту, который подчинялся Одесской таможне. Оклад дали приличный: 650 рублей плюс офицерский паек. Помещение таможни напоминало, скорее, сарай или кладовую. Но обеспеченность техникой была по тем временам неплохая. Копии документов изготавливали благодаря машинистке, которая быстро набивала текст на стареньком «Ундервуде». Каждому таможеннику выдавался фонарь. Правда, на всю таможню – один телефонный аппарат, который работал через коммутатор Одесского порта. Сотрудников было маловато: начальник поста в капитанских погонах да две девушки. Знатоков таможенного дела у нас не было, каждый доходил своим умом, как нужно действовать в той или иной ситуации.

В то время через таможню шло много трофейных грузов. Ввозился живой скот: лошади, овцы, коровы. На границу приезжали получатели, которые дальше гнали животных своим ходом. В 1946-1947 году ситуация с продовольствием в стране была очень сложная. Перемещались продукты со складов, захваченных на территории противника, в том числе сахар, орехи, изюм, инжир. Относились мы к этому как к стратегическим грузам. В ходе досмот-

ра никогда не позволяли себе попробовать вкусные вещи, недоступные простым гражданам.

– Была ли контрабанда в годы войны? Какой случай запомнился вам больше всего?

– Однажды я остался в таможне за начальника. К нам в порт прибыло грузовое судно, что-то вроде самоходной баржи. Мы уже закончили процедуру таможенного оформления, как небольшие катера стали усиленно шнырять вокруг баржи, что-то перегружать. Капитан, который только что предъявил документы на перевозку медоборудования, потребовал срочно отпустить его: «Мы не можем больше стоять, нам пора следовать дальше». Я жестко сказал: «Придется задержаться, будем досматривать груз». Разгрузить задержанный товар нам помогли пограничники. Добро поместилось на двух конных бричках: пигмент для окраски шерсти, крем сапожный, ладан и сто килограммов восковых свечей. По рыночным ценам его стоимость тянула на полтора миллиона рублей. Это было первое в моей работе крупное задержание контрабанды.

Государство тогда уделяло больше внимания простым таможенникам. Им, например, выдавали ткань для пошива рубашек. Я уже работал инспектором, был старшим смены, получал 1100 руб-

лей в месяц, ходил в хорошем бостонском костюме, носил форменные ботинки и картуз. Хорошо, что платить за все эти «наряды» мы могли в рассрочку. Девятого мая 1945 года мы работали полдня, а потом начали праздновать Победу. Потом в таможенные органы на смену женщинам стали приходить мужчины, многие из них были инвалидами, и это понятно: ведь много здоровых и сильных бойцов мы потеряли на полях войны.

Спустя некоторое время была образована Измаильская таможня. К нам приехал новый начальник Арам Киракозов – очень знающий человек. Под его руководством мы по-настоящему начали изучать таможенное дело. Днем – занятия, вечером – конспекты. Основным документом был Таможенный кодекс 1928 года. Принимал экзамены сам начальник таможни. Но так было не только у нас, учеба шла по всей стране. Постепенно повышался профессионализм специалистов. Очень высоко котиrowались шестимесячные курсы подготовки сотрудников таможенных органов в Риге.

В послевоенные годы стала развиваться международная торговля, через границу пошли грузы народнохозяйственного значения. Номенклатура шедших через Измаильскую таможню определялась географическим положением региона. Через наши таможенные

посты за границу вывозилось разного рода сырье, прокат черный, руда, зерно. А из-за кордона к нам поступало продовольствие, из Югославии и Болгарии в Советский Союз – вино в бочках, виноматериал для производства коньяка, спирт-дистиллят, бокситы для производства алюминия, которые сразу переправлялись в Херсон и Николаев. Импортёры и экспортёры были представлены государственными организациями, специализацию которых можно было определить из их наименований: «Экспортлён», «Продинторг», «Скотопимпорт» и т.п.

В последующие годы начались пассажирские перевозки через границу. Контрабанда в основном носила бытовой характер: золото, деньги, книги, журналы. По Дунаю и Черному морю стали ходить пассажирские пароходы. В Советский Союз все чаще возвращались ранее вывезенные старые, иногда старинные книги. В то время на таможне практиковался сплошной досмотр, пассажиры должны были открывать все чемоданы. Идеологический и политический контроль провозимой литературы лежал на пограничниках.

Настало время, когда таможенникам оказалось не под силу досматривать все перевозимые грузы. После 1953 года стали осуществлять выборочный контроль. Контрабанды в крупных объемах в те годы практически не было.

Грузовые перевозки большей частью носили обезличенный характер, завод-изготовитель даже не знал, что и куда именно пойдет дальше. В Измаиле все выгружалось и на неопределенное время складировалось. Нередко грузы в ящиках, в мешках, сыпучие грузы навалом, поступившие от одного отправителя, порциями расходились в разные города: представитель внешнеторгового объединения распределял их по разнарядке. Информация не была налажена, получатель не знал, когда он получит ожидаемое поступление.

Существовали категории лиц, вещи которых были освобождены от таможенного досмотра. Такие пассажиры, как генералы, следовали без таможенных формальностей.

Случались необыкновенные совпадения. Однажды на барже состоялся такой разговор между советским таможенником и интуристом. «Постой-ка, ты в советском плену был?» – «Был». – «А где тебя взяли?» – «Под Воронежем». – «Так это я тебя в плен брал!»

– Получали ли вы информацию о том, как работали таможенники в других странах?

– Во время работы на Измаильской таможне в 1956 году я посетил Болгарию, где у меня была возможность посмотреть, как работают болгарские коллеги. Меня удивило, что за рубежом у таможенников более комфортные условия работы. В 60-х годах, когда я трудился в Иркутске, побывал в Монголии на конференции таможенных служб стран СЭВ. Возможность знакомиться с опытом жизни зарубежных коллег позволяла нам более критично оценивать собственные достижения. В Венгрии хорошо было поставлено пенсионное дело. Например, таможенник в возрасте 55 лет уходит на пенсию, причем ее размер должен составлять 85 процентов от зарплаты. Сравнивая условия жизни и работы наших коллег в разных странах, я видел, что советским таможенникам приходилось труднее других. Роль и место таможни в СССР часто незаслуженно принижались. Например, руководитель таможенной службы Примеров ни разу не был на приеме у министра внешней торговли Патоличева.

– С чего началась Ваша работа в Москве?

– В 1971 году мне предложили должность заместителя начальника Шереметьевской таможни. Техническая вооруженность службы росла: если сначала мы довольствовались примитивными металлоискателями, то потом

появились рентген-аппараты. Вскоре они оказались очень эффективными для проверок международных почтовых отправок. Объемы работы были колоссальные. Среди пассажиров попадались те, кто пытался контрабандно провезти золотые и ценные предметы.

Ежедневные, а точнее – еженочные поездки между аэропортом и моей загородной квартирой отнимали очень много времени: домой я часто приезжал за полночь, но в 8 утра должен был быть в Шереметьево. Затем мне предложили работу в главке начальником отдела материально-технического обеспечения. Времени на дорогу я стал тратить меньше, и это было очень важно. Вскоре я был назначен начальником Московской центральной таможни. Мы стали открывать посты в Рязани, Калуге, Воронеже, в Тольятти и других городах. Таким образом реализовывалась идея создания региональной структуры – Центрального таможенного управления. Когда был образован ГУГТК, мне присвоили звание государственного советника, хотя я по-прежнему оставался начальником Московской центральной таможни.

В 1988 году я формально стал пенсионером. В принципе можно было довольствоваться персональной пенсией, но бывшие коллеги меня нашли и пригласили работать консультантом в московском представительстве иностранной компании. И все-таки мне трудно было смириться с тем, что работаю на частную фирму, на «хозяина», ведь всю жизнь я служил государству. Если раньше при каждой таможне были собственные таможенные склады, то теперь этим доходным бизнесом занимаются все, кому не лень. На многих складах таможня стала не хозяйкой, а квартирантом.

В середине 90-х годов я зашел к своим давним знакомым в Западное таможенное управление. Они предложили поработать в должности главного инспектора, и я с удовольствием вернулся в хорошо знакомую мне таможенную среду. Я был государственным советником и носил генеральский мундир. На полковничьей должности мне было, конечно, дискомфортно, и я решил уйти. Но не хотелось мириться с мыслью, что заслуженный отдых означает бездействие, поэтому меня очень обрадовало решение Виталия Боярова организовать Союз ветеранов таможенной службы. Бояров – очень умный, сильный и талантливый руководитель. В 90-х годах ему удалось создать Фонд С.В.Т.С., который и сегодня подпитывает работу с ветеранами. Я рад, что на начальном этапе работы С.В.Т.С. и мне пришлось

участвовать в его делах в составе ревизионной комиссии.

– Как живет ветерану-таможеннику сегодня?

– Меня не забывают в центральном аппарате ФТС России, в ЦТУ, в таможнях разных регионов России. Приятно сознавать, что нас регулярно навещают, помогают, приглашают на различные мероприятия, экскурсии и концерты. Вместе с другими ветеранами войны совершил поездку по местам боевой славы.

– Что вас радует сегодня?

– Радует общее состояние таможенного дела, бурное развитие таможенных технологий. Радует, что сегодня таможенное дело обретает все большую значимость – не только в государстве, но и в обществе. Значит, и моя работа не прошла бесследно.

Виталий ИГНАТЬЕВ

Досье «Таможни»

М.М. Москалев родился в 1922 году в Смоленской области. На рубеже двадцатых и тридцатых годов, спасаясь от голода, семья переехала на Урал. В 1940 году получил направление в Челябинское военное авиационное училище. В 1942-1943 годах служил на полевых аэродромах в составе 621-го штурмового полка 307-й штурмовой авиационной дивизии. В июле 1943 года в ходе тяжелых боев под Орлом при выполнении боевого задания был тяжело ранен и контужен, до весны 1944-го находился в госпиталях. После демобилизации по инвалидности получил должность контролера Измаильского таможенного поста, а с мая 1945 года работал в должности инспектора Измаильской таможни. Проходил заочное обучение в Одесском государственном университете и в Институте внешней торговли. В дальнейшем работал на руководящих должностях в таможенных органах: заместитель начальника, начальник Измаильской таможни (1954-1958), начальник Иркутской таможни (1958-1971), начальник Шереметьевской таможни (1971), начальник отдела ГТУ МВТ СССР (1971-1981), начальник Московской центральной таможни (1981-1988). Генерал-майор таможенной службы государственный советник М.М. Москалев отмечен многочисленными военными и трудовыми наградами.